АЛИНА ВЕРЕЙСКАЯ

ПЕСНИ СЛОМАННЫХ КРЫЛЬЕВ

18+

18+

Алина Верейская

Песни Сломанных Крыльев

«Автор»
2026

Верейская А.

Песни Сломанных Крыльев / А. Верейская — «Автор», 2026

Аделина Вейл научилась скрывать свой голос. Одно слово сирены способно сломить чужую волю, а черные крылья за ее спиной для Империи — достаточное доказательство вины. Когда инквизиторы забирают младшего брата, Аделина совершает немыслимое: под чужим именем добровольно сдается в Цитадель Наследников. Здесь одаренных превращают в оружие — или в материал для опытов.Ее отрядом командует Кассиан Вейн, старший инквизитор и сын человека, стоящего за самыми страшными тайнами Цитадели. Он задает слишком опасные вопросы, видит больше, чем говорит, и однажды замечает то, чего не должен был увидеть, — тень ее запретных крыльев. Но вместо доноса предлагает сделку.Чтобы вызволить брата, Аделине придется довериться человеку, которому она поклялась никогда не верить. Чтобы остановить Верховного Инквизитора, Кассиану — предать собственную кровь. А когда над Цитаделью вспыхнет пожар, голос сирены может стать последним оружием восстания. Только ценой за него окажется сердце самой Аделины.

© Верейская А., 2026
© Автор, 2026

Алина Верейская
Песни Сломанных Крыльев

Алина Верейская
ПЕСНИ

СЛОМАННЫХ

КРЫЛЬЕВ
РОМАН
Независимое издание

2026

© Алина Верейская, 2026
Все права защищены.
Все персонажи и события романа вымышлены. Совпадения с реальными людьми и событиями случайны.
Возрастная маркировка: 18+.
Оформление обложки: по материалам, предоставленным правообладателем.

Содержание
Глава 1. Тот, кто уносит голос 1
Глава 2. Вес человека 24
Глава 3. Право на удар 42
Глава 4. Номер без карты 60
Глава 5. Трещина в серебре 78
Глава 6. Точная боль 96
Глава 7. Мерное стекло 114
Глава 8. Пепельный Брод 134
Глава 9. То, что мы выбираем 152
Глава 10. Чужие глаза 171
Глава 11. Танец с закрытыми глазами 190
Глава 12. Кожа, которую не скрывают 209
Глава 13. Колыбельная для заговора 227
Глава 14. Небо на плацу 245
Глава 15. Допрос на одной ноте 263
Глава 16. Рассвет на плацу 281
Глава 17. Нижний контур 298
Глава 18. Песнь Разрушения 316
Глава 19. Второе дыхание 333
Глава 20. Голос без приказа 351

ГЛАВА 1
Тот, кто уносит голос
В ночь, когда за Миреном пришли инквизиторы, я сшивала чужие молитвы.

Тонкая игла входила в потрескавшуюся кожу переплета, разрывала гнилые нити и оставляла за собой ровный стежок. На развороте часослова кто-то вымарал чернилами имена богов. Вместо них прежний владелец вписывал имена умерших — десятки мелких, торопливых строк между печатными обращениями к небу.

Я не стала удалять чужие пометки. Мертвые имели право оставаться на бумаге дольше, чем им отвела Империя.

За стеной переплетной шумел Сажный Низ. Вода глухо била в водостоки. Пьяный грузчик спорил с хозяином ночлежки, у лоточника лопнуло колесо тележки, а в переулке за пекарней двое договаривались о цене шепотом, словно даже камни здесь умели доносить.

Мирен сидел на подоконнике и разбирал латунного соловья.

— Ты опять снял заводную пружину, — сказала я, не поднимая головы.

— Она была испорчена.

— Она была целой вчера.

— Вчера я еще не знал, как ее улучшить.

В его пальцах исчезла крошечная шестеренка. Секунду спустя брат принялся ощупывать колени, стол, пол и собственные волосы с видом человека, которого предала не механика, а весь устроенный мир.

Мне захотелось улыбнуться. Вместо этого я откусила нить.

— Проверь левый рукав.

Шестеренка действительно нашлась в рукаве. Мирен торжествующе поднял ее над головой, и латунный соловей, все еще лишенный половины внутренностей, издал короткий металлический свист.

Я застыла с иглой у самого пальца.

На улице смолк грузчик.

Потом перестала скрипеть сломанная тележка.

Даже дождь будто стал тише.

Мирен зажал птичку ладонями.

— Я почти починил его.

— Разбери.

— Ада…

— Сейчас же.

Он послушался не потому, что понял. Просто я редко говорила с ним таким голосом — тем самым, от которого у людей перехватывало дыхание еще до того, как они успевали разобрать слова.

Мирен сорвал с соловья заднюю крышку и выдернул свисток. Остальной механизм он не успел разобрать.

Я прислушалась.

Тишина за окном длилась три удара сердца. На четвертый в конце улицы ударил колокол.

Один раз.

Пауза.

Второй.

Мирен побледнел.

В Сажном Низу не звонили ради пожаров: огонь здесь считался делом семейным, пока не перекидывался на дома сборщиков налогов. Не звонили и к заутрене. Два удара после вечернего комендантского часа означали только одно.

Облава.

Я перевернула часослов, смахнула иглы в ящик и потушила масляную лампу. Комната погрузилась в синеватую темноту. Сквозь щели ставен пробивался свет факелов — не желтый, а мертвенно-белый.

Инквизиторский газ.

— Вниз, — сказала я.

Мирен соскользнул с подоконника. Босые ступни мягко ударились о пол.

— Может, не к нам?

— Вниз.

Он откинул ковер у печки. Под ним скрывался узкий люк, которого не было ни на одном плане дома. Моя мать вырезала его собственными руками задолго до того, как ее имя впервые занесли в реестр подозреваемых. Она же придумала двойное дно, засыпанное золой: древесной сверху, человеческой ниже.

Инквизиторские ищейки хуже различали запах крови там, где пахло крематорием.

Мирен опустил ноги на лестницу, но вдруг остановился.

— А ты?

— Закрою и лягу. Если войдут, я спала.

— Они вскроют пол.

— Только если ты будешь стоять и спорить.

Он исчез под полом. Я опустила крышку, вернула ковер, придвинула ножку печки и поставила на прежнее место корзину с углем. Руки двигались точно и быстро, будто всю жизнь я только и делала, что прятала брата.

Так, в сущности, и было.

У входной двери загрохотали еще до того, как я успела сесть.

Не постучали — ударили прикладом. Щепки брызнули на порог. Верхняя петля вырвалась из косяка, дверь перекосило, и в комнату ворвался запах мокрой кожи, железа и резкого инквизиторского бальзама, которым обрабатывали раны, чтобы человек не умер раньше признания.

— Имя.

Их было четверо. Трое в серых плащах поверх черных камзолов остались у двери. Четвертый вошел внутрь.

На его воротнике серебром был вышит раскрытый глаз. На правой перчатке темнела свежая кровь.

Я опустила голову.

— Лира Кроу.

Имя легло на язык легко. Я носила его три года — с тех пор как дочь кладбищенского сторожа умерла от рудничной лихорадки, а ее отец за шесть серебряных монет согласился забыть, когда именно хоронил девочку.

По бумагам Лира Кроу была переплетчицей. Не имела родственников. Никогда не проявляла магического дара.

Идеальная женщина: бедная, одинокая и уже похороненная.

— Смотри на меня, когда говоришь.

Я подняла лицо.

Инквизитор оказался моложе, чем его голос. Лет тридцати пяти, с узким шрамом, пересекающим бровь, и аккуратной серебряной печатью Трибунала на ремне. Взгляд его задержался на моих волосах. В темноте медь в них почти не различалась, но белый огонь факела выхватил у лица рыжие пряди.

Я не отвела глаз. Трусихи опускали взгляд, невиновные позволяли себе возмущаться, а я слишком долго училась быть именно невиновной.

— Кто еще живет здесь?

— Никто.

Он перевел взгляд на два стула.

— Посуда?

На столе остались две кружки. Я выругала себя про себя, но плечами пожала лениво, словно вопрос касался чистки картофеля.

— Мне иногда приносят работу после закрытия. Заказчики пьют чай. Вы тоже хотите?

Ближайший солдат усмехнулся. Инквизитор — нет.

— Лира Кроу, — повторил он. — Где регистрационная карта?

Я подошла к комоду. Они следили за каждым движением, поэтому я открыла ящик медленно, двумя пальцами достала промасленный конверт и протянула его. Внутри лежали метрика умершей девушки, разрешение на переплетное ремесло и справка о постановке на учет в Сажном Низу.

Бумаги были настоящими. Это делало их почти надежными.

Инквизитор просмотрел документы при свете факела. Пока он читал, я слышала стук в соседнем доме, женский плач, собачий вой. На углу лопнуло стекло. Кто-то закричал: «Я записан! Проверьте реестр!» — и крик оборвался тяжелым ударом.

Внутри блокатора, скрытого под высоким воротом рубашки, шевельнулся холод.

Тонкие пластины черного металла прилегали к коже у затылка. От них вдоль позвоночника тянулись едва заметные серебряные нити, вплетенные в швы корсета. Они удерживали крылья под кожей так же надежно, как швы удерживают разорванную плоть.

Иногда мне казалось, что мать вшила в меня не защиту, а второй скелет.

— Что это? — спросил инквизитор.

Он касался пальцем нижней строки регистрационной карты.

— Разрешение работать с архивной бумагой.

— Ты умеешь читать?

— Названия, счета и проклятия, если заказчик платит за восстановление обложки.

Солдат у двери снова хохотнул.

Инквизитор сложил карту и неожиданно убрал ее в собственный карман.

— Мастерская закрыта до окончания проверки.

— На каком основании?

— На основании того, что я не люблю повторять приказы.

Он подал знак. Двое вошли внутрь. Один сразу направился к полкам, другой принялся переворачивать стулья и простукивать стены. Из-под их сапог летели угольная пыль и крошки бумаги.

Я стояла посреди комнаты, прижав руки к бокам. Не из покорности. Мизинец левой руки упирался в узкую прорезь на внутренней стороне пояса, где за двойной строчкой лежал стальной клинок длиной с палец.

Если они найдут люк, я успею вонзить его в горло ближайшего.

Если не найдут, мне придется поблагодарить их за визит.

Третий солдат остался на улице. Сквозь распахнутую дверь я видела его спину и черную крышу переносной клетки на колесах. Внутри кто-то двигался. Металл тонко дрожал от каждого прикосновения.

Инквизитор достал из-за пазухи круглую пластину размером с ладонь. По краю шли деления, в центре под стеклом плавала капля ртути.

Резонансный игольник.

Мать показывала мне рисунок такого прибора в книге, которую мы потом сожгли. Игла реагировала на активную магию. На спящую кровь — только вблизи.

Я посмотрела на ковер у печки.

Мирен не обладал голосом сирены. Его кровь не подчиняла волю, не вызывала видений. Но с детства он слышал то, чего не могли слышать другие: натяжение металла, усталость камня, тихий звон воды под мостовой. Механизмы под его пальцами начинали работать, даже если в них не хватало деталей.

Для Трибунала этого хватало, чтобы назвать его наследником запретной крови.

Игла дрогнула.

Инквизитор остановился.

— Выйди на середину комнаты.

Я сделала шаг. Блокатор впился в затылок так остро, будто под кожу вогнали иглу. Ртуть в приборе покачнулась и замерла.

— Руки.

Я показала ладони. Он провел пластиной перед моей грудью, затем поднес к горлу. Игла дернулась в сторону и снова легла на ноль.

— Нервы, — сказал солдат, простукивавший стену. — Они всегда дают помехи.

Инквизитор не ответил. Он медленно опустил прибор.

Игла повернулась к печке.

В подполе скрипнула деревянная ступень.

Совсем тихо. Может, Мирен решил лечь. Может, у него свело ногу. Может, от страха он обнял колени и случайно задел лестницу.

Но инквизитор уже улыбался.

— Отодвиньте печь.

Я сдвинулась раньше них.

Стальной клинок выскользнул из пояса в ладонь. Я знала, где у ближнего солдата открыта шея между шлемом и воротником. Знала, что второй держит факел в правой руке и не успеет выхватить меч. Знала, что если ударить инквизитора под нижнюю челюсть, его крик будет коротким.

Я не знала только, как вывести Мирена мимо инквизитора и трех солдат, когда на улице был целый патруль.

Пальцы уже сжимали рукоять, когда из-под ковра донесся голос брата:

— Не надо.

Солдат рванул ковер. Люк открылся с треском.

Мирен поднялся сам.

В одной руке он все еще держал разобранного соловья. Другой прижимал к груди материну серебряную фибулу — я не заметила, когда он успел ее взять.

— Она ничего не сделала, — сказал он инквизитору. — Это мой тайник.

Ему было шестнадцать, но в белом свете факела он вдруг стал похож на отца, которого я почти не помнила. Та же привычка выпрямлять спину перед бедой, будто ужас можно победить осанкой.

Инквизитор поднес игольник к его запястью.

Ртуть пошла вверх.

Стрелка вскочила к красной отметке.

Солдаты перестали сорить. Один даже отступил, словно под полом нашли не мальчишку с латунной игрушкой, а змею.

— Мирен Вейл, — сказал инквизитор.

Мой желудок свело холодом.

Он знал имя до обыска.

Не сосед донес из страха. Не случайный стражник услышал свист соловья. Они пришли за братом и принесли с собой его настоящее имя.

— Вы ошиблись, — ответила я. — Его зовут Нильс. Он мой подмастерье.

Инквизитор повернул пластину. На обратной стороне оказался не герб, а сложенный вчетверо лист бумаги. Он развернул его одной рукой.

На портрете, выполненном серебряным карандашом, Мирен был на три года моложе. Под рисунком стояла печать дома призрения в Верхнем Арденгарде. Того самого, где мать работала до нашего исчезновения.

— Ошибки выглядят иначе, — сказал инквизитор. — Наденьте на него мерный браслет.

— Куда вы его забираете?

Он не удостоил меня взглядом.

— Молчать.

Солдат защелкнул на запястье Мирена черный обруч. Брат дернулся, и на его коже проступили тонкие синие линии. Они поползли к локтю, как трещины по льду.

Я шагнула вперед.

— Снимите это.

Инквизитор наконец посмотрел на меня.

— Еще одно слово, и ты поедешь следом — в мешке.

Мирен встретился со мной взглядом. Совсем легкое движение подбородка: не пой.

Он знал, что я могла остановить их.

Один выдох на нижней ноте — и ближний солдат выпустил бы оружие. Два слова с придыханием — и инквизитор забыл бы, зачем пришел. Если развернуть голос полностью, я могла приказать всем четверым выйти в дождь и не оглядываться.

А потом белые огни вспыхнули бы на каждой улице. Резонансные колокола Арденгарда начали бы отсчет. Через минуту здесь оказался бы не патруль, а легион. Сирен не отправляли в Цитадель Наследников. Их вскрывали на столах Трибунала, чтобы узнать, почему мертвый голос все еще звучит в записывающем стекле.

Я могла спасти брата на один вдох.

И убить его следующим.

Мои пальцы разжались. Клинок вернулся в прорезь пояса.

Мирена вывели первым. У порога он обернулся.

— Ада, в мастерской течет крыша. Не ставь книги у северной стены.

Он говорил о крыше, чтобы не сказать другое.

Не молчи. Не исчезай. Не оставляй меня там.

— Я помню, — ответила я.

Инквизитор забрал у него фибулу. Серебро мелькнуло в его перчатке и исчезло в кармане. Соловей упал на пол. Латунные крылья отлетели под комод.

На улице дождь смешался с пеплом.

Сажный Низ лежал между старыми печами и черной водой каналов, и над ним всегда кружило что-нибудь: снег зимой, угольная пыль летом, белые хлопья крематориев в любую погоду. Но сейчас пепел был теплым. Он падал на кожу, словно город горел где-то целиком, а мы видели только отдельные окна.

У клетки на колесах стояло двенадцать человек. Старик в мокром халате. Девушка с обритой головой. Мальчик лет десяти, тонкий, как ручка метлы. Женщина из прачечной, которая прошлой зимой оставила нам полбуханки хлеба и не попросила долга.

Никто не кричал. Кричали те, кто оставался.

Мирена повели не к общей клетке, а к закрытой повозке с серебряным глазом на дверце. Возница в черной коже распахнул заднюю створку. Внутри горел холодный голубой свет.

Я успела заметить еще две фигуры и ряды стеклянных трубок на стене.

— Это не тюремная повозка, — сказала я.

Инквизитор шел мимо.

— Для наследников нет тюрьмы в Низу.

— Значит, Цитадель?

Он остановился.

Любой другой на его месте мог промолчать. Но люди с вышитым глазом любили, когда страх собеседника получал точный адрес.

— Отбор начнется на рассвете.

Дверца закрылась за Миреном.

Через решетчатое окошко я увидела его лицо. Он приложил ладонь к стеклу. На запястье пульсировал черный браслет.

Повозка тронулась.

Я сделала шаг следом. Потом еще один.

Солдат преградил дорогу древком алебарды.

— Назад.

Голос пришлось собирать по частям.

— Возьмите меня.

Инквизитор обернулся медленно. Дождь стекал с краев его капюшона на плечи.

— Что?

— У меня дар. Незарегистрированный.

Теперь молчали даже те, кто остался в общей клетке.

Добровольное признание считалось смягчающим обстоятельством. Так было написано на афишах у мостов: «Яви наследие — сохрани жизнь». Под строками о милосердии Империи обычно не уточняли, чья именно жизнь будет сохранена.

Инквизитор подошел ближе.

— Три года в реестре без дара. И вдруг признание.

— Три года в реестре, потому что я не хотела висеть на городских воротах.

— А теперь хочешь?

— Теперь я хочу попасть в Цитадель.

В его глазах мелькнуло не удивление — интерес. Маленький и грязный, как блеск монеты в выгребной яме.

— Покажи.

Я опустила взгляд на землю.

Пепел покрывал мостовую серыми разводами. Часть его слетела с крыш, часть принесла облава: инквизиторы жгли вещи тех, кого забирали, чтобы соседи запомнили запах.

Я вытянула руку ладонью вниз.

Дар пепла не требовал голоса. Он жил глубже — в костях, в том месте, где человек заканчивается и начинается память о сгоревшем. Мать называла его вторым лицом нашей крови. Опасным, но не редким. Таким, за который могли не убить сразу.

Я потянулась к теплым хлопьям.

Пепел поднялся с мостовой.

Сначала одна нить, тонкая, как дым от потушенной свечи. Затем вторая. Они закрутились над моей ладонью, слепились в маленького серого мотылька. Он взмахнул крыльями, разлетелся и снова собрался — уже птицей с длинным хвостом.

Солдат с алебардой отступил на полшага.

Я сжала кулак. Пепельная птица рассыпалась, но не упала: серая пыль легла на пальцы инквизитора тонким кольцом.

Он посмотрел на нее.

— Контроль без жестовой формулы. Кто учил?

— Пепел не спрашивает разрешения.

Я почти видела, как он считает. Не мою жизнь — мою цену. Сколько даст наместник за незарегистрированную одаренную. Сколько отнимет Трибунал за сокрытие. Сколько можно сохранить себе, если вписать в рапорт нужную строку.

— Имя, — снова сказал он.

— Лира Кроу.

— Родственники?

— Нет.

Он посмотрел на разворошенную мастерскую, на две кружки, на следы мальчишеских ног на сыром полу.

Я не дрогнула.

Лгать вслух было проще, чем петь. Для лжи не требовалось разрешать чужому сердцу стучать в собственной груди.

— Если соврала хоть в одном слове, — сказал инквизитор, — отбор станет для тебя последним воспоминанием.

— Записывайте.

Он кивнул солдату с реестром.

Тот раскрыл длинную книгу. Страницы раздувал ветер. На верхней значились имена задержанных за эту ночь: двадцать семь строк. У некоторых в графе «назначение» стояло «архив». У других — «материал».

Мирен был вписан отдельно, красными чернилами. Назначение — «Цитадель. Нижний контур».

Солдат повел пером по чистой строке.

— Лира Кроу. Двадцать лет. Магия пепла. Добровольная явка.

Он поднял глаза к инквизитору.

— Назначение?

— Верхний контур. Отборочный транспорт.

Он произнес это так, будто оказал милость.

На мои запястья легли оковы. Не мерный браслет, как у Мирена, а тяжелые кандалы с тусклыми рунами внутри. Металл сразу стал холодным. Пепел, еще круживший у моих ног, упал мертвой серой крупой.

Блокатор на затылке ответил короткой болью. По спине пробежал жар, упираясь в старое клеймо между лопатками.

Я наклонила голову, чтобы скрыть гримасу.

Там, под корсетом и кожей, проснулись крылья.

Не настоящие — те, которых никто не должен был увидеть. Тени их лопнули вдоль позвоночника, тяжелые и мокрые. На мгновение мне показалось, что перья вот-вот разорвут швы, и черные кончики брызнут наружу вместе с кровью.

Блокатор сжался.

Запечатанные крылья ушли обратно в плоть.

На мостовую передо мной упало одно перо.

Черное. Тонкое. По краям его тлели золотые искры.

Я накрыла его носком ботинка раньше, чем солдат опустил взгляд.

— Что с тобой? — спросил он.

— Не люблю кандалы.

Он принял это. Люди охотно верят в слабость, если она не требует от них действий.

Меня поставили у последней повозки. Не в общую клетку — рядом с ней, на открытой скамье для сопровождающих. Цепь от оков продели через кольцо в полу. Свободы она прибавила ровно настолько, чтобы я могла поворачивать голову.

Инквизитор собирался уходить, когда я окликнула его:

— Фибула мальчика.

Он остановился.

— Серебряная. Вы забрали.

— Теперь это собственность Трибунала.

— Там была прядь волос его матери.

— Значит, ему будет что вспомнить перед отбором.

Он отвернулся.

Я смотрела ему вслед, пока его плащ не растворился в белом свете. Запоминала походку. Рост. Шрам на брови. Положение левой руки, которой он держался за рукоять короткого меча.

Мать учила не ненавидеть всех инквизиторов сразу.

Ненависть, говорила она, должна быть аккуратной. Иначе она сожрет тебя раньше, чем ты доберешься до виновных.

Поэтому я отложила этого человека в отдельную полочку памяти.

Караван тронулся через полчаса.

Дома Сажного Низа поплыли мимо: покосившиеся балконы, мостики над каналами, вывески, на которых краска облезала сильнее, чем кожа с пальцев у местных красильщиков. В окнах гасли свечи. Люди прятались до конца облавы, но за ставнями продолжали дышать целые семьи.

У переплетной остановился мой взгляд.

Дверь осталась раскрытой. Изнутри тянуло дымом: солдаты все-таки бросили в печь стопу бумаги. Горели счета, заказы, восстановленные страницы часослова. Может, и имена мертвых.

На пороге лежал латунный соловей.

Его кто-то вынес и поставил так, чтобы я увидела.

Мирен.

Успел наклониться, когда его выводили. Успел на последнюю глупую нежность, вместо того чтобы думать о себе.

В груди стало тесно. Я вдохнула запах горящей бумаги и удержала его, пока глаза не перестали щипать.

Караван свернул на Мост Плачущих.

Под арками шумела черная вода. Говорили, в ночь большого сожжения сирен сбрасывали с этого моста вместе с камнями на груди, но их голоса не тонули. До сих пор прохожие слышали пение под мостовой и бросали в воду монеты, чтобы мертвые замолчали.

Монеты лежали на дне целым кладом. Пение не прекращалось.

Впереди показалась повозка с серебряным глазом. За толстым стеклом едва различался силуэт Мирена. Он сидел прямо. Наверное, по-прежнему прижимал к груди руку с браслетом.

Я подалась вперед, насколько позволила цепь.

Мы ехали к западному подъему. Там начинался Верхний Арденгард: белые стены, закрытые сады, дворцы на гранитных террасах. А над ним, за тремя кольцами стен и черным разломом, ждала Цитадель Наследников.

О ней рассказывали разное.

Что отборщики выстраивают прибывших на мосту и снимают с них кандалы только после испытания. Что в башнях учат управлять даром, а в подвалах учат не кричать. Что победители получают имперский герб, проигравшие — номер без могилы.

Правдой могло оказаться все сразу.

Но где-то в ее архивах должны были храниться списки нижнего контура. Где-то — карта лабораторий, расписание транспортов и имена тех, кто решал, каким наследникам жить, а каким стать материалом.

Я найду их.

Найду брата.

А если Трибунал спрятал его за семью дверями, я выучу имена всех семи замков.

На подъеме колесо ударилось о бортик мостовой. Меня бросило вперед, и цепь врезалась в кожу. Из носа закапала кровь — темная при белом свете факелов.

Сопровождающий напротив отвернулся.

Я вытерла губы тыльной стороной ладони.

Во рту стоял вкус железа. Я попробовала его языком, словно впервые получила доказательство, что все еще жива.

До Цитадели оставалось несколько миль. Несколько миль, за которые нужно было стать Лирой Кроу окончательно: забыть страх Аделины Вейл, не отзываться на настоящее имя даже мысленно, не позволить голосу дрогнуть на допросе.

Лира Кроу не имела брата.

У Лиры Кроу не было крыльев.

Лира Кроу добровольно сдалась Империи и мечтала пройти отбор.

Я повторяла эти слова в такт колесам, пока повозка с Миреном не приблизилась к развилке.

Тогда я перестала.

Ложь должна была оставаться снаружи, как кандалы. Внутри я сохранила единственное настоящее имя, которое могла себе позволить.

Мирен.

Я закрыла глаза и представила, как он сидит за толстым стеклом. Как считает выбоины на дороге, чтобы не бояться. Как ищет пальцами несуществующую шестеренку и ждет, что старшая сестра снова скажет, где искать потерянную деталь.

— Я найду, — прошептала я.

Оковы заглушили пепел, блокатор держал крылья, а на шее дрожал едва слышный запрещенный звук. Он не стал песней. Даже ветер не подхватил его.

Но впереди, за стеклом закрытой повозки, Мирен обернулся.

На миг мне показалось, что наши взгляды встретились сквозь дождь, темноту и целый отряд вооруженных людей.

Потом дорога разделила нас: его транспорт ушел к нижним воротам, мой — к верхнему подъемнику.

Я не закричала. Не дернула цепь. Только запомнила развилку, знак на столбе и количество факелов у каждой дороги.

Меня не забирали в Цитадель.

Я сама выбрала дорогу в клетку.

И собиралась научить ее открываться изнутри.

ГЛАВА 2

Вес человека

К рассвету дождь перестал падать и начал подниматься.

Мелкая водяная пыль стекала по стенам Цитадели снизу вверх, срывалась с черных карнизов и исчезала в разломе. Верхний подъемник полз вдоль скалы сквозь эту мокрую завесу, скрежеща цепями. Я сидела на скамье с оковами, прикованными к полу, и смотрела, как исчезает дорога в Сажный Низ.

Сначала скрылись крыши. Потом трубы крематориев. Последним ушел в серую муть огонь над моей мастерской — крошечная рыжая точка, которую я приняла за отблеск рассвета, пока ветер не донес запах сгоревшей бумаги.

На противоположной площадке подъемника стояли трое солдат. Никто из них не смотрел на меня. Для них я уже перестала быть женщиной, которую нужно обыскивать, и стала грузом, который нужно доставить без лишних отметок в рапорте.

Цепь вздрогнула. Подъемник дернулся на перекладине, и за стеной открылся Черный разлом.

Здесь была только тьма между террасами города, словно Арденгард построили вокруг отсутствия земли. Над ней висели мосты и водопроводные арки; некоторые обрывались на полпути. Из глубины доносился ровный звук, похожий на дыхание механизма, которому забыли поставить предел.

У меня заныли зубы. Блокатор у затылка ответил толчком, и я опустила голову. Лира Кроу не чувствовала чужих частот.

Верхняя площадка встретила нас белым светом. Цитадель оказалась несколькими готическими корпусами, вцепившимися в край разлома. Острые башни поддерживали друг друга каменными арками, между ними тянулись крытые галереи.

Мой транспорт свернул к верхнему контуру. Дорога, по которой увезли Мирена, осталась далеко внизу. Я нашла ее по четырем красным факелам у служебного туннеля и запомнила угол поворота от подъемника.

Ворота закрылись.

Во внутреннем дворе пахло мокрым камнем, лошадьми и тминным маслом, которым смазывали замки. Нас выстроили под навесом: двенадцать человек из общей клетки, двух женщин из другой повозки и меня отдельно, потому что на моей карточке стояла пометка «добровольная явка».

Писарь сверил имена. У старика в халате нашли дар удерживать жар в костях. Женщина из прачечной могла различать яды по запаху. Обритая девушка отказалась говорить, и ее карточку отложили в сторону.

Когда очередь дошла до меня, писарь провел ногтем по строке.

— Кроу. Пепел. Верхний отбор.

— Очень содержательно, — сказала я.

Он поднял глаза.

— Здесь не нужно содержание. Нужна численность.

Меня отвели в приемную клеть под галереей. Оковы остались на руках, зато с ног сняли мокрую веревку, которой солдат на всякий случай связал меня при погрузке. Я потерла кожу через чулок и получила за это удар древком по колену.

— Не задерживайся.

Я не упала. Это, судя по его лицу, его разочаровало.

За решеткой уже сидела девушка в слишком большой серой куртке. Светлые волосы были коротко обрезаны и торчали над ухом неровными прядями. Она занимала всю скамью у стены, разложив на досках снятые сапоги, ремень и три костяные пуговицы.

— Если ищешь место, — сказала она, — сапоги здесь не голосуют. Садись.

— На пуговицы?

— На них особенно. Они предатели.

Я переступила через ее вещи и села у противоположной стены. Девушка принялась надевать сапоги, не пытаясь понизить голос.

— Ника Север. Камень показывает мне дыры. Иногда полезные, чаще нет.

— Лира Кроу.

— Знаю. Ты та, которая пришла сама.

Я посмотрела на нее.

Она пожала плечами.

— Солдаты говорят, ты либо дура, либо шпионка Трибунала. Я пока не решила, с кем хуже делить клеть.

Ника наклонилась ближе. Ее взгляд скользнул по моим оковам и засохшей у носа крови.

— Если пришла за кем-то, не называй имя при стенах. Они любят превращать имена в рычаги.

— А если я пришла за имперским жалованьем?

— Тогда ты все-таки дура.

Она закрыла глаза, но одну костяную пуговицу передвинула к моему сапогу, отмечая шаги до двери.

За стеной ударил колокол.

Один удар. Потом еще два без паузы.

Ника открыла глаза.

— Завтрак отменяется.

Нас вывели на мост отбора при сером свете. К пятнадцати людям из моего транспорта добавили десять задержанных с северной террасы. Небо над разломом было цвета старого жестяного ковша. Ветер дул снизу, выворачивал полы плащей и нес запах озона, ржавчины и мокрой извести.

Мост соединял приемный двор с верхним контуром. Три узких пролета лежали между каменными башнями; под ними провисали несущие цепи толщиной с мою руку. По краям не было сплошных перил — только столбы и две кованые рейки на высоте колена. Каменный настил пересекали широкие медные полосы с рунами.

Вдоль моста стояли отборщики с длинными жезлами. На дальней площадке виднелись ворота и группа наблюдателей под черными зонтами.

Старик в халате перекрестился. Солдат немедленно записал это движение на маленькой дощечке.

Отборщик с белой нашивкой прошел вдоль нашей линии.

— Правило одно. Дойти до дальних ворот. Разрешается использовать дар, силу и чужие ошибки. Запрещается возвращаться. Кто сойдет с медной линии, будет считаться выбывшим. Кто упадет, освободит нас от бумажной работы.

По ряду прошло движение. Мальчик, которого я видела в клетке, начал плакать беззвучно, одними плечами.

— А цепи? — спросила Ника.

Отборщик остановился перед ней.

— Снимут перед входом.

— Романтично. Обычно мне хотя бы лгут про безопасность.

Он ударил ее жезлом в плечо. Ника пошатнулась, но устояла.

Я проследила за жезлом. В его навершии был заключен осколок синего стекла. Такие же стекла вставлены в столбы по обе стороны моста. Резонаторы. Они не просто освещали путь — на медных полосах уже дрожала ртуть.

Первой пятерке солдаты открыли оковы, но руны на меди вспыхнули: дар не исчезал, однако каждый толчок отдавался в запястьях болью.

Подняли черный флаг. Звук резонатора прошел не через уши, а через ступни. На втором пролете медная полоса наклонилась. Мужчина с каменными наростами на коже схватил упавшую женщину за куртку и получил удар жезла по пальцам.

— Чужие ошибки, — напомнил отборщик.

Мужчина разжал руку. Крик женщины ушел в разлом и не вернулся.

Я считала: восемь ударов сердца от сигнала до наклона, три до удара. Отборщики не реагировали на опасность — выбирали, кого толкнуть следующим.

Ника водила носком сапога по шву между камнями.

— Под вторым пролетом пусто, — сказала она. — Кладка поет там, где должен быть массив.

Нашу группу вызвали через несколько минут. Солдат повернул ключ в моих оковах. Руны погасли, и дар пепла вернулся так резко, что у меня потемнело в глазах. Ветер, мокрая кожа, чужое дыхание — все на миг отступило перед тонким теплом сгоревших вещей. Зола лежала

в трещинах моста, в складках одежды, в копоти на стенах. Даже здесь, над бездной, город не умел обходиться без сожженного.

Я убрала руки за спину.

— Вперед, — сказал солдат.

Ника наступила на медь рядом со мной. Дальше встал мальчик, старик и обритая девушка. Нас оказалось пятеро, как будто отборщики заранее решили, что число падений должно быть одинаковым.

Черный флаг опустился.

Первый удар пришел снизу. Плита качнулась, и мальчик вскрикнул. Я поймала его за локоть прежде, чем вспомнила, что помощь здесь поощряется только как чужая ошибка.

— Смотри не под ноги, — сказала я. — На столбы.

— Что?

— Стекло темнеет перед ударом.

Я не успела проверить, понял ли он. Второй резонатор включился. Воздух стал плотным, каждый вдох приходилось вытягивать из него силой. Старик выставил перед собой тепловой щит. Пламя мгновенно потускнело, прижатое к камню.

Мы двинулись вперед.

Я ступала по краям медных полос, где руны были вытравлены слабее. Пепел отзывался на каждое движение. Я собрала его из швов и рассыпала тонким слоем под подошвами. Серые зерна врастали в мокрый камень, образуя шероховатую корку. Не защита от магии — просто возможность не поскользнуться.

На середине первого пролета ударили сразу два жезла.

Меня бросило на одно колено. Блокатор впился в затылок. Я почувствовала, как напряглись запечатанные крылья, и направила боль в ладони. Пепел поднялся столбом перед лицом, принял на себя следующий толчок и осыпался черными комьями.

— Контроль формы, — произнес кто-то на дальней площадке.

Не сейчас.

Я заставила остатки пепла лечь на рейку. Ника схватилась за них, хотя к серой пыли не стоило доверять вес тела. Материал затвердел под ее пальцами и стал похож на обожженную веревку.

— Удобно, — выдохнула она.

— Держись за камень. Это ненадолго.

Обритая девушка открыла рот, и звук вокруг нее исчез: смолкли скрип цепей и стук дождя по камню. В глухоте я увидела, как отборщик меняет хват, но мой крик тоже провалился в ничто.

Жезл ударил девушку по ногам. Она упала на медь, разбив подбородок. Тишина лопнула, звуки вернулись разом. Ника рванулась к ней, но я перехватила ее за ремень, прежде чем обеих нас снесло к краю.

Обритая поднялась сама и посмотрела на жезл. Стекло в его навершии треснуло.

Мы перешли второй пролет.

Здесь медные полосы были уже, а ветер сильнее. Старик отстал. Он стоял, широко расставив ноги, и грел руками холодеющий камень. Под его ладонями появлялись оранжевые пятна.

— Он держит плиту, — сказала Ника.

— Он держит себя.

Следующий резонатор заставил старика вскрикнуть. Пятна жара погасли. Он покачнулся к краю.

Я бросила пепел ему под ноги. Серая корка удержала подошву, но тело продолжало падать. Мальчик схватил его за халат. Ника вцепилась в мальчика. Меня потянуло вслед за ними, и я уперлась сапогом в столб.

На миг вся наша нелепая цепь повисла над разломом.

Отборщик поднял жезл.

Его остановил чей-то голос с дальней площадки.

— Снизить нагрузку на второй контур.

Голос был низкий, спокойный и настолько привыкший к повиновению, что отборщик опустил руку до того, как посмотрел на говорившего.

Под черными зонтами стояли офицеры. Вперед вышел мужчина в темном кожаном камзоле с серебряным шитьем на вороте. Без зонта. Дождь намочил угольные волосы и оставил темные полосы на широких плечах. Он был молод для командирских нашивок, но никто рядом не пытался объяснить ему, как устроен отбор.

— Старший инквизитор, — сказал отборщик с белой нашивкой, — правила требуют…

— Я видел, что требуют правила. Второй контур до красной отметки.

Мужчина перевел взгляд на нас. На миг его внимание коснулось моих рук, где еще не рассеялся пепел. Потом он посмотрел на несущую цепь.

— И уберите людей с центрального пролета.

Его голос изменился. Не громче — суше.

Поздно.

Ника вдруг повернула голову к каменной башне.

— Там пусто, — сказала она.

В кладке пошла трещина.

Сначала откололся тонкий слой известки. Потом верхний камень опоры сдвинулся на ширину ладони. Цепь, к которой крепился второй пролет, натянулась с протяжным скрипом.

Мальчик все еще держал старика. Обритая стояла на наклонной плите. Я видела лицо отборщика, когда он понял, что мост не выдержит следующего удара, и все равно посмотрел на наблюдателей, ожидая разрешения прекратить испытание.

— Назад! — крикнул командир.

Солдаты на дальнем конце бросились к лебедке. Отборщики начали отступать. Люди на мосту замешкались, потому что за одно это слово их еще минуту назад могли вычеркнуть из списка.

Я сделала выбор раньше.

— На башню! — Я толкнула Нику к ближайшему столбу. — Не по центру, по краю!

Мы побежали.

Настил встал под ногами почти отвесно. Я поймала рейку правой рукой, левой выбросила вперед весь пепел, какой смогла собрать из копоти на столбах. Серые нити вплелись в верхнюю цепь, не удерживая ее, а показывая линию, за которую можно цепляться.

Старик упал на четвереньки. Мальчик перетащил его через разошедшийся шов. Обритая девушка осталась позади.

— Давай руку! — крикнула Ника.

Девушка шагнула, и плита под ней провалилась.

Я вытянула пепел вниз. Он обвил ее запястье, затвердел, но вес тела разорвал форму почти сразу. Она успела ухватиться другой рукой за край камня.

Пепла не хватало.

Я сорвала с пояса обрывок пропитанной маслом тесьмы, зажгла его теплом ладони. Ткань съежилась от жара и обратилась прямо в серую массу. Боль резанула по костям руки. Я не стала делать веревку — слишком долго. Пепел лепился вокруг пальцев девушки и камня, создавая шероховатую опору.

— Подтянись! — сказала я.

Она посмотрела на меня с ненавистью человека, которому не оставили выбора, и подтянулась.

Тем временем командир вышел на дальний пролет. Один. Без щита, без веревки.

На его ладони вспыхнул черно-синий огонь.

Он не осветил мост. Скорее вычеркнул из дождя несколько линий: край камзола, тяжелый боевой пояс, длинные пальцы. Огонь потек по несущей цепи. Металл заскрипел, руны на нем лопались одна за другой.

— Вейн, отойдите! — крикнул кто-то из офицеров.

Он не ответил.

Пламя прожгло поврежденный узел крепления. На мгновение цепь освободилась от рун, которые продолжали нагружать ее по приказу отборщиков. Затем командир сжал кулак, и черный огонь сплавил концы разорванной дуги с резервной цепью ниже.

Весь пролет просел.

Меня оторвало от рейки. Ника ударилась плечом о столб, мальчик упал на старика. Но мост остановился.

Командир стоял на другом конце, по-прежнему держа огонь. Кожа на его руке побледнела, дыхание вырывалось белым облаком. Он говорил коротко, разделяя приказы:

— Лебедку на себя. Спасательные крюки к восточной рейке. Не трогать резонаторы. Томас, снять наблюдателей с площадки.

Широколицый офицер рядом с ним кивнул и начал сталкивать зонты к лестнице. Никто не спорил.

К нам бросили крюки. Не командир — солдаты. Я зацепила один за ремень обритой, второй продела под руки старика. Ника отказалась от помощи, пока не втащила мальчика на устойчивый камень.

Себя я подняла сама.

К тому времени пальцы перестали сгибаться, а пепел осыпался с рук вместе с кровью из ладоней. Я вскарабкалась по цепи на последние два шага и перекатилась через край площадки.

Ветер продолжал дуть. Мост висел под новым, уродливым углом, но держался.

Командир опустил руку. Черно-синий огонь исчез, оставив на металле корку инея.

— Почему запустили третий резонатор? — спросил он.

Отборщик с белой нашивкой сглотнул.

— Порядок испытания…

— Кто проверял опору?

Молчание.

Командир посмотрел на трещину, затем на людей, лежавших на камне. Его взгляд не смягчился. Он просто стал точнее.

— Отбор остановлен. Всех, кто стоит на ногах, в нижнюю приемную. Раненых к лекарю. Тела снять с нижних цепей до полудня.

— Господин Вейн, наблюдатели еще не поставили отметки…

Он повернулся к отборщику.

— Тогда поставьте одну общую: мост не выдержал вашего порядка.

Кассиан Вейн, сын Верховного. В Низу его называли палачом без публичных казней или командиром, возвращавшим отряды почти без потерь, если не считать мятежников.

Вблизи я увидела легкую щетину на скулах и темные глаза. Он посмотрел на мою обожженную тесьму, затем на светлый шрам под левым глазом.

— Пепел, — сказал он.

— Лира Кроу.

— Пепел покажете на распределении.

Он ушел к лебедке, не спросив, жива ли я, и не спас меня отдельно от остальных. Это понравилось мне больше, чем должно было.

В нижней приемной нас пересчитали. Из двадцати пяти вышедших на мост восемнадцать добрались до площадок. Двое умерли позже, пока писари спорили, в какую графу заносить смерть при неоконченном испытании.

Мальчика со сломанным запястьем отправили к лекарю. Старика — в печной корпус. Обритая девушка исчезла за дверью с надписью «Звуковой контроль». Ника села рядом со мной на пол, потому что скамейки заняли офицеры.

— Ты сожгла собственный ремень, — сказала она.

Я посмотрела на сползающие брюки.

— Одолжишь пуговицу?

Ника коротко рассмеялась и вложила мне в ладонь костяную пуговицу.

— Не потеряй. Ее они не сумели записать как опасную.

Мы еще не были союзницами. Но иногда союз начинается с пуговицы на грязном полу.

К полудню нам вернули вещи.

Не все. Ножи, иглы, шило, запасной корсет с металлическими косточками исчезли в комнате конфиската. Остался холщовый мешок, который солдат в мастерской смел с табурета, пока меня выводили. На бирке значилось: «Кроу. Рабочие принадлежности. Малоценные».

Содержимое вывалили на стол: чистая рубашка, моток нити, две костяные пластины для фальцовки, сухой кусок хлеба, превратившийся в камень, и черный плащ.

Служащий пощупал швы, проверил подкладку и бросил мешок мне.

— Подпись.

Я расписалась именем Лиры. Буквы получились ровными, хотя пальцы все еще дрожали.

В казарме было двенадцать коек, узкое окно под потолком и запах мокрой шерсти. Мне досталось место у двери, Нике — через проход. Она сразу подняла кирпич у ножки кровати и заглянула под него.

— Здесь можно спрятать очень ценный зуб.

В моем мешке что-то звякнуло, хотя при досмотре металла не нашли. Я заперлась в умывальне, раздернула наружный шов и нащупала под подкладкой твердый предмет.

Солдат, видимо, поднял его с порога вместе с инструментами и сунул в первый карман. Служащий нащупал только бумажные обрезки и решил, что тонкий шов не стоит внимания.

Я вытащила латунного соловья.

Одно крыло у него было погнуто. Заводной ключ перекосился, хвост покрыт черными царапинами. Но глаз из синей бусины остался цел, а в груди под решеткой виднелась крошечная пружина.

Мирен не оставил его на пороге для красоты. Он знал, что солдаты могут забрать вещи. Знал или просто надеялся.

Я прижала птичку ладонью к губам.

В умывальне пахло ржавой водой и чужим мылом. За тонкой дверью спорили женщины, тащили по полу сундуки, звали кого-то на поверку. Цитадель продолжала распределять нас, взвешивать и ставить на полки.

А я стояла с единственной вещью, которая не знала, что Мирена нужно забыть.

Я осторожно повернула ключ. Он не поддался.

Тогда я разжала клюв соловья. Внутри, под язычком, была выцарапана едва заметная черта — знак, которым брат отмечал механизмы, требующие ремонта. Не письмо. Не тайное послание. Просто его привычка не доверять сломанным вещам молчание.

— Я тоже не сломана, — прошептала я.

Соловей молчал. Это было правильно. Здесь даже латунь должна была уметь не петь.

Я вложила соловья в распоротую наволочку и зашила ее. Когда Ника постучала в дверь, мои руки уже не дрожали.

Перед вечерней поверкой выжившие получили серые нашивки кандидатов. Мне велели явиться на арену для проверки боевого применения дара.

— Закрытый отряд Вейна берет новых, — сказала соседка по койке.

— Ему нужны те, кто не ждет разрешения, когда мост рушится, — ответила Ника.

Я легла поверх одеяла, не раздеваясь. Под нами работали лифты, тянули через глубину людей и ящики. Может быть, Мирен слышал сейчас тот же скрип.

Здесь человеку позволяли иметь вес, пока его можно было использовать как противовес.

Значит, пришло время стать тяжелее.

ГЛАВА 3

Право на удар

На арене пахло влажным песком и старой кровью.

Ее не пытались вывести с каменных трибун. Темные пятна виднелись под свежим слоем песка, на деревянных барьерах и даже на нижних ступенях, куда могла долететь только очень неудачная молния или очень удачный удар. Кто-то перед нашим приходом протащил по площадке грабли, разровняв следы предыдущего испытания. Под свежими бороздами сохранились глубокие отметины когтей.

Я стояла среди двенадцати кандидатов и ждала, когда мои пальцы согреются.

Утренний колокол прозвонил шесть. В казарме мы получили по миске каши, по серой куртке без пуговиц и по короткой речи о чести служить Империи. Ника проглотила свою кашу, мою и всю речь, не изменившись в лице.

Теперь она стояла рядом, покручивая на запястье ремешок с кандидатской меткой.

— Если скажут показать доблесть, падай первой, — шепнула я.

— Если скажут показать послушание, ударь второй раз.

На верхней галерее появился Кассиан Вейн.

Без вчерашнего дождя он выглядел еще более неподходящим для этого места: белая рубашка под черным камзолом, серебро на высоком вороте, ни одной смятой складки. Рядом шел широколицый офицер, которого на мосту он назвал Томасом. Второй мужчина, узкоплечий и светловолосый, держался на полшага позади. Его взгляд бегал по кандидатам с такой жадностью, будто он уже искал, кого поставить в рапорт первым.

Томас разложил на барьере списки.

— Боевая проверка, — объявил он. — Оружие учебное, дар разрешен. Побеждает тот, кто удерживает противника или заставляет его сдаться. Убийство кандидата приравнивается к провалу. Нанесение увечья — по усмотрению наблюдателя.

Ника подняла руку.

— А увечье наблюдателя?

Томас посмотрел на нее поверх бумаги.

— Считается особенно выдающимся провалом.

Светловолосый усмехнулся. Вейн — нет.

— Гаррен Слоут, — представил Томас узкоплечего, хотя никто не спрашивал. — Томас Рей. Старший инквизитор Вейн проводит отбор в закрытый отряд. Остальные распределения состоятся после обеда.

Он назвал первую пару. Ника и высокий мужчина с кожей, испещренной тонкими серыми шрамами.

Она вздохнула.

— Конечно. Сначала завтрак без мяса, потом противник без чувства юмора.

Ей предложили оружие. Ника выбрала короткую дубину, повертела, отложила и взяла вместо нее круглый щит без рун.

— Пустой, — предупредил оружейник.

— Поэтому и нравится.

Противник вышел на песок с двумя клинками. По сигналу он сразу сократил расстояние, надеясь не дать ей использовать дар. Ника отступила к барьеру, приняла удар на щит и пошатнулась. Второй клинок скользнул по ее плечу, разрезав куртку.

Я напряглась.

Ника не пыталась оттолкнуть его. Она прижала ладонь к земле.

Песок у него под пяткой вдруг просел. Не весь — один аккуратный квадрат размером с подошву. Мужчина потерял равновесие, ударился коленом, и Ника опустила край щита ему на запястье. Первый клинок выпал. Второй она прижала ногой.

— Пустота под плитой, — сказала она, тяжело дыша. — Ты стоял на ней, как на чести Трибунала: твердо и без оснований.

На галерее Томас записал результат.

Вейн смотрел не на победительницу, а на поврежденную плиту.

— Ты знала размер пустоты до удара? — спросил он.

Ника подняла голову.

— Я знала, где камень не отвечает. Размер пришлось угадать.

— Еще раз сможешь?

— Если вы не зальете все дыры в Цитадели.

— Отметь, — сказал он Томасу. — Разведка, не передняя линия.

Ника вышла с арены, держась за порезанное плечо. Проходя мимо меня, она показала язык, но рука у нее дрожала.

Следующими дрались огненный кандидат и женщина, способная гасить свет. Потом мужчина, вызывавший судорогу касанием, и водоносец из портового района. Их проверка закончилась быстро: один потерял сознание, другой попросил лекаря. Наблюдатели записывали не только победы, но и то, сколько раз бойцы оглядывались на галерею.

Я услышала свое имя последним.

— Лира Кроу. Ост Терн.

Из оружейной вышел мужчина на голову выше меня. На его предплечьях лежали кожаные наручи, в руках — шест с утолщением на конце. Он взвесил его, глядя на мою грудь не как мужчина на женщину, а как мясник на тушу: где резать удобнее.

Мне предложили тот же ряд учебного оружия. Меч был слишком тяжел для быстрой защиты, ножи слишком коротки против шеста. Я выбрала палку из черного дерева, похожую на те, которыми в Сажном Низу разбивали застывший уголь.

— Дар применять обязательно, — сказал Томас.

Я посмотрела на урну с обгоревшими тренировочными чучелами у дальней стены.

— Тогда не убирайте пепел с площадки.

Ост стукнул шестом о землю.

— Я не буду щадить добровольцев.

— Я не буду благодарить.

По сигналу он ударил без замаха. Шест пришел снизу, целя в колено. Я отступила и поймала второй удар палкой. Дерево дрогнуло, руку отбило в сторону, а плечо пронзила боль.

Ост владел не силой удара, а его возвращением. Каждое касание моего оружия отправляло обратный толчок в суставы. На третьем блоке палка чуть не выпала из пальцев.

Он улыбнулся.

Я перестала блокировать.

Следующий шест прошел мимо ребер, потому что я шагнула не назад, а к его левой стороне. Ост развернулся и поймал меня концом древка в живот. Воздух вышел из легких. Я согнулась, и он поднял колено к моему лицу.

Тело среагировало раньше мысли.

Я отклонилась на несколько пальцев. Колено прошло у самой скул, волосы хлестнули по щеке. Я не видела удара, но почувствовала его по движению воздуха, напряжению кожи, чужому дыханию.

На галерее скрипнуло дерево под чьей-то ладонью.

Я не посмотрела вверх.

Ост остановился на мгновение, удивленный промахом. Мне хватило. Я провела ладонью по его шесту, оставив на кожаной обмотке полосу пепла.

Он дернул оружие, собираясь отправить отдачу мне в плечо. Пепел проник в трещины дерева и стал горячим.

Не обжигающим — достаточно, чтобы Ост изменил хват.

Я ударила его палкой по пальцам.

Он зарычал, выбросил шест вперед и попал мне в грудь. Меня отбросило на песок. Боль растеклась под корсетом, задела серебряные нити у позвоночника. Крылья шевельнулись в печати, и я на несколько секунд перестала различать площадку.

Нельзя лежать. Нельзя дать ему ударить сверху. Нельзя выпустить голос вместе с вдохом.

Я перекатилась на бок. Шест вошел в песок рядом с ухом. Схватила горсть горячей золы с древка шеста — там тлела обмотка — и бросила ему не в глаза, а под заднюю ногу.

Пепел слепился в тонкую пластину, скользкую, как лед.

Ост поехал назад. Он взмахнул руками, пытаясь удержать тяжелое тело. Я встала на одно колено, подсекла его опорную ногу палкой и приставила конец к горлу, когда он упал.

Песок у его затылка потемнел от пота.

— Сдавайся, — сказала я.

Он посмотрел на галерею.

Я надавила чуть сильнее.

— Не на них. Мне.

— Сдаюсь.

Только тогда я заметила, что вокруг тихо. Не сверхъестественная тишина обритой девушки, а обычная людская: двенадцать кандидатов и три офицера раздумывали, было ли то, что они увидели, хорошим боем или ошибкой правил.

Я убрала палку и встала. Ребра болели при каждом вдохе. Пепел еще лежал на песке аккуратной серой дорожкой.

Вейн спустился с галереи.

— Откуда реакция? — спросил он.

— Из Сажного Низа.

— Там учат уклоняться от ударов, которые не видишь?

— Там учат не поворачиваться спиной к двери.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки. Вблизи я уловила запах холодного металла и дымного мыла. Его глаза опустились к моему лицу, где выбившиеся волосы открыли шрам под левым глазом.

— Это тоже из Низа?

— Стекло.

— Кто-то бросил?

— Я сама разбила.

Ника у барьера издала сдавленный звук, похожий на кашель.

Вейн не улыбнулся.

— Покажи руки.

Я разжала ладони. Кожа была содрана на мосту, сегодняшний бой снова открыл трещины. Он посмотрел на ногти, на мозоли от иглы и веревки, на тонкий ожог от пепла.

— Переплетчица, — сказал он.

— По документам.

— А в остальном?

— Сегодня кандидат.

Томас подошел с моей карточкой.

— Контроль пепла без фокусирующего предмета. Физическая подготовка выше средней. Риск потери контроля при ударе.

Он сказал это ровно, без обвинения. Гаррен стоял за его плечом.

— Добровольная явка после облавы, — заметил он. — Удобное время обнаружить дар.

Я повернулась к нему.

— У тебя есть время, когда удобно обнаруживать свой?

Гаррен сузил глаза.

Вейн взял у Томаса карточку.

— Снова на арену, Кроу.

— Я только что была на арене.

— И все еще разговариваешь. Значит, проверка не закончена.

Он снял с пояса короткий меч в черных ножнах и передал его Томасу. Себе Вейн выбрал учебный клинок без рун. Лезвие было тупым, но тяжелым.

— Правила те же? — спросила я.

— Одно. Не пытайся угадать, чего я хочу.

Он подал знак начинать самой.

Я не стала дожидаться, пока он решит, что мои ребра отдохнули. Ударила в плечо, потом в бедро — два быстрых движения, рассчитанных на противника, который будет защищать голову. Вейн отбил оба, почти не сдвинув стопы. Его меч коснулся моей палки, и она разломилась.

Не перерублена — сломана точно в месте прежней трещины.

Он знал, куда бить.

Я отбросила обломок и выхватила из пепла узкое жало. Оно приняло форму клинка, но оставалось хрупким. Вейн сделал шаг внутрь моей защиты. Я ударила пепельным острием в его запястье.

Он перехватил мою руку.

Холод прошел сквозь кожу. Не магия — просто его пальцы были ледяными после вчерашнего пламени. Я использовала его захват как опору, подалась ближе и ударила лбом туда, где должна была оказаться его переносица.

Вейн уклонился. Мой лоб скользнул по его скуле. На миг мы оказались слишком близко: я услышала его ровный выдох, увидела тонкую линию у края губ.

Он отпустил меня и отступил.

Не потому, что я победила. Потому что проверка закончилась.

— Достаточно, — сказал он.

Я стояла с пепельным жалом в руке и пыталась выровнять дыхание. Вейн смотрел на мое горло.

Я почувствовала, как сжимается блокатор. Он не мог знать, что именно я прячу. Но взгляд его задержался там, где ворот рубашки закрывал черные пластины у затылка.

— Ты боишься не боли, — сказал он тихо, так что остальные не расслышали. — Ты боишься звука, который можешь издать.

Во рту пересохло.

— Я боюсь глупых вопросов перед обедом.

Он отвернулся к списку.

— Закрытый отряд: Север, Кроу, Дейн. Остальным распределение у мастера арен.

Гаррен шагнул к нему.

— Командир, Кроу почти потеряла контроль.

— Она его вернула.

— Доброволец без истории.

— У всех здесь есть история. Не у всех хватает дисциплины ее скрывать.

Он говорил обо мне так, будто я уже ушла. Я бросила пепельное жало на землю, и оно рассыпалось.

— Если это проверка моей благодарности, я ее не прошла.

Вейн взглянул через плечо.

— Это назначение. Благодарность можешь оставить при себе.

Так я стала бойцом закрытого отряда Кассиана Вейна. Без клятвы, без новой формы и без права знать, чем этот отряд занимался. Нам выдали черные нашивки с серебряной нитью по краю. Ника получила перевязь для плеча и разрешение не носить тяжести до вечера. Я — пакет с холодной глиной для ребер и замечание о ненадлежащем обращении с учебным оружием.

В лазарете Ника села на соседний стол, пока лекарь стягивал ее разрезанную куртку.

— Ты ему лбом чуть не разбила лицо, — сказала она.

— Чуть — это промах.

— Поэтому он взял тебя в отряд?

— Он взял меня, чтобы иметь возможность поставить эксперимент без очереди.

Лекарь хмыкнул, прикладывая к моим ребрам холодный компресс. Я втянула воздух сквозь зубы.

Ника дождалась, когда он уйдет за новой повязкой.

— Ты не просто хорошо двигаешься, — сказала она. — Ты иногда двигаешься до того, как человек начинает удар.

— У него плечо дернулось.

— Я про второй удар.

Я прижала компресс сильнее.

— Тебе показалось.

— Хорошо.

Она согласилась слишком легко. Я посмотрела на нее. Ника ковыряла ногтем край повязки.

— Мне многое кажется, — продолжила она. — Например, что за моей койкой есть пустой канал шириной с обе мои руки. Или что у охранника на восточной двери один сапог весит больше другого, потому что он носит там ключи. Обычно я не прошу людей подтверждать то, что мне кажется.

— И что ты хочешь за свою слепоту?

— Правду, когда она касается моей жизни. Остальное оставь себе.

Я подумала о соловье в наволочке, о развилке у нижнего туннеля, о том, что Ника заметила пустоту в опоре раньше трещины.

— Мне нужно попасть в нижний контур, — сказала я.

Она перестала ковырять повязку.

— Это не ответ, а смертный приговор с плохим почерком.

— Ты спрашивала правду.

— И теперь жалею.

Она соскользнула со стола, поморщилась от боли в плече.

— Я не знаю дороги вниз. Здесь камень лжет хуже, чем люди: слишком много искусственных пустот. Но верхний архив хранит списки назначений. Я видела ящики с ними, когда нас вели на мост.

— Где?

— Западная галерея, за комнатой с желтыми дверями. Туда пускают по допуску.

Доступа у меня не было. Зато теперь было направление.

— Ты поможешь?

Ника посмотрела на меня долго и честно.

— Найду, где кончаются стены. Дальше ты сама. Я не собираюсь умирать за человека, который врет, что разбил себе лицо стеклом.

— Договорились.

Она протянула здоровую руку. Я пожала ее, стараясь не потянуть поврежденные ребра.

В столовой нам достались места у самой двери. Длинный стол был прикручен к полу, ложки — к столу короткими цепочками, будто вареная репа нуждалась в защите от вооруженного нападения. Ника попыталась отковырять мясной кусок от края миски и безрезультатно подула на него.

— Не выдавай меня, если я однажды сбегу, — сказала она. — У меня слишком мало причин оставаться.

— У тебя только что появилась причина: черная нашивка.

— Ее можно снять.

— Вместе с рукой, если верить правилам.

Она оглядела людей за соседними столами. Вчерашние кандидаты сидели отдельно от старых бойцов. Никто не громко обсуждал мост, но на нас смотрели. Особенно на мои руки: слух о пепле распространился быстрее официального списка.

— Вейн не берет людей ради забавы, — сказала Ника. — Мой прежний надзиратель называл его отряд ящиком с двойным дном. Снаружи зачистки и охрана Трибунала, а что внутри — не положено знать.

— Ты слушала надзирателя?

— Я чинила замки в его комнате. Он думал, если человек ползает под столом, то не имеет ушей.

Я опустила ложку. Ника впервые упомянула, где работала до облавы.

— Тебя держали на исправительных работах?

— В городском ремонтном корпусе. Наследники с полезным даром редко портят вещи сами. Я находила, где в стенах можно спрятать проводку. Они называли это исправительной работой.

Она говорила буднично, но цепочка ложки натянулась в ее кулаке.

— Теперь ты мне должна правду на одну историю больше, — добавила она. — Но не сегодня. Сегодня у тебя лицо человека, который планирует съесть ложку и ответить за убийство столового имущества.

Я отпустила металл. Пальцы оставили на нем теплый след.

— Я не прошу тебя лезть в архив.

— Хорошо. Я не люблю, когда меня просят дважды.

За соседним столом Гаррен Слоут повернулся на скрип лавки. Он слышал последнюю фразу или сделал вид. Ника подняла миску, салютуя ему холодной репой.

— Новые правила, — сказала она мне, не понижая голоса. — Первое: не ешь ничего, что не пыталось тебя укусить. Второе: если светловолосый офицер смотрит слишком долго, проверь, не записывает ли он твои сны.

Гаррен встал и ушел, не донеся миску.

— Ты обязательно должна делать врагов по расписанию? — спросила я.

— Нет. Иногда они записываются сами.

Впервые за два дня я почувствовала вкус еды. Он оказался горьким, но это было лучше, чем ничего.

После обеда закрытый отряд построили на плацу. Нас оказалось восемнадцать человек. Некоторые носили черные нашивки давно, у других под ними виднелись следы тюремных

клейм. Гаррен стоял справа от Вейна, Томас — слева. Командир говорил коротко: вечером проверка снаряжения, утром занятие по защите от ментального воздействия, выезд по приказу без предупреждения.

— В отряде не существует личных заданий, — сказал он, и его взгляд на мгновение остановился на мне. — Есть приказы, есть сведения, есть последствия. Кто скрывает первое и второе, получает третье.

Я выдержала взгляд.

Он знал ровно столько, сколько мог увидеть: нетипичную реакцию, шрам, подозрительные документы, дар, который я контролировала лучше, чем собственное лицо. Этого хватало для подозрения. Не хватало для обвинения.

После построения нас отпустили. Ника направилась к казарме, я — к доске расписаний. Нужно было запомнить смены у западной галереи. Желтые двери оказались отмечены знаком архива взрослых одаренных. Рядом стояли две строки: «хранилище допусков» и «регистрация перемещений».

Томас нашел меня там.

Он подошел без оружия в руках, с тонкой черной папкой под мышкой. До этого я слышала только его приказы на арене. Вблизи он выглядел спокойным человеком, который умеет ждать, пока собеседник сам скажет лишнее.

— Кроу, — сказал он.

Я отошла от доски.

— Если по поводу сломанной палки, она начала ломаться первой.

— По поводу командира.

Он протянул мне узкую полосу черной бумаги. На ней стоял знак личного крыла Вейна и время — после вечернего колокола.

— Что это?

— Вызов на индивидуальную проверку.

— Я уже была на индивидуальной проверке. У нее синяки на ребрах.

Томас посмотрел на место под моей курткой, где лежал компресс.

— Тогда постарайся не ударять его лбом дважды.

— Он боится второго раза?

— Он не любит незавершенные вопросы.

В голосе Томаса не было угрозы. Именно поэтому я поверила, что отказаться нельзя.

Он ушел по направлению к офицерскому крылу. Я осталась у доски с черной полосой в пальцах. Вечерний свет окрасил камни плаца в цвет старой крови. На арене рабочие засыпали свежим песком серый след моего пепла, аккуратно стирая его до следующего испытания.

Вейн вызвал меня одну.

Значит, на арене он увидел больше, чем показал.

ГЛАВА 4

Номер без карты

Кабинет Кассиана Вейна был устроен так, чтобы посетитель не нашел в нем места для себя.

Стол стоял у дальней стены, но хозяин не сидел за ним. Два кресла у камина занимали стопки бумаг. Карты на стенах закрывали черные шторы. Даже окно выходило не на город, а на узкий внутренний колодец, где свет вечернего фонаря гас между каменными стенами.

Вейн стоял у стола и чистил лезвие короткого меча. При моем входе он не поднял головы.

— Закрой дверь, Кроу.

Я закрыла. Щеколда не щелкнула: запор был на его стороне.

— Руки болят? — спросил он.

— Нет.

— Тогда перестань держать правую у пояса.

Я опустила руку. Там больше не было ножа за двойной строчкой, но привычка осталась.

Он провел тканью вдоль лезвия и убрал меч в ножны.

— Ты вошла в Цитадель добровольно, заявила об отсутствии родственников, скрыла дар три года и на мосту рисковала жизнью ради людей, которых видела впервые. Какая часть тебя переплетчица?

— Та, которая умеет чинить переплеты.

— А остальные?

— Вы вызвали меня ночью, чтобы составить список?

Он наконец посмотрел на меня. В кабинете горела одна масляная лампа. Ее свет лежал на его скулах, оставляя глаза в тени.

— Остальные части могут оказаться опасными для моего отряда.

— Тогда не берите меня в отряд.

— Уже поздно.

— Для вас или для меня?

Уголок его рта дрогнул так слабо, что я решила не считать это улыбкой.

Он достал из папки мою регистрационную карту. Инквизитор Малет забрал ее в мастерской, и теперь на бумаге виднелся жирный след от его пальцев. Вейн положил карту между нами.

— Лира Кроу умерла в четыре года.

Я почувствовала, как холодеет кожа на затылке.

В документах дочь сторожа умерла в семнадцать. Если он назвал другое число, это была проверка, не знание.

— Значит, я опаздываю на собственные похороны, — сказала я.

— В семнадцать, — поправил он. — Ты не спросила, откуда мне известно.

— Вы читаете карту. Я надеюсь, что умеете.

Он перевернул бумагу. На обратной стороне кто-то вывел список имущества: рубашка, плащ, нить, костяные пластины. Соловья там не было.

— Почему добровольная явка?

— Я устала ждать, когда за даром придут без моего согласия.

— Это не ответ.

— Это единственный, который вам положен.

Вейн обошел стол. Я не отступила, хотя ребра все еще болели, а от моего напряжения серебряные нити блокатора начали мелко дрожать.

— На мосту ты сожгла тесьму, — сказал он. — На арене использовала пепел как оружие, хотя до этого создавала из него птиц. Где научилась боевым формам?

— Книги горят. Люди тоже. Разница в форме.

— Кто учил?

— Тот, кого вы не найдете в вашем архиве.

Я подумала о матери и впервые за вечер пожалела, что он стоит так близко. Не потому, что мог услышать мысль. Потому что лицо иногда предавало раньше голоса.

Вейн остановился.

— Твой взгляд убедительнее твоей лжи.

— А вы задаете вопросы лучше, чем даете ответы.

Он поднял руку. Я не успела понять, что он делает: между пальцами блеснула тонкая стальная пластина. Она полетела мне в лицо.

Я уклонилась, перехватила ее у самого уха и только потом услышала удар о каменную стену за моей спиной — вторую пластину он бросил одновременно, чтобы звук скрыл первую.

На ладони остался холодный металл.

Вейн смотрел на мою руку.

— Нечеловеческая реакция, — сказал он.

— Неудачная попытка убить кандидата.

— Пластина не задела бы глаз.

— Тогда в следующий раз пришлите приглашение на бумаге.

Я бросила пластину на стол. Она встала ребром в дерево между нами.

Он не стал ее вытаскивать.

— Завтра Томас проверит твою устойчивость к ментальному давлению. Не используй голос как защиту, если не хочешь новых вопросов.

Мое сердце пропустило удар.

— Я не певица.

— Я не говорил, что певица.

Он отошел к окну и раздвинул штору на ширину ладони. Разговор был окончен, но я не сдвинулась.

— Можно идти? — спросила я.

— Можно.

У двери он добавил:

— Кроу. Если ты пришла сюда за чем-то, архивы не дадут тебе этого бесплатно.

Я положила ладонь на ручку.

— Здесь хоть что-нибудь дают бесплатно?

— Только возможность умереть по своей ошибке.

Я вышла, чувствуя его взгляд между лопатками. До казармы длился длинный коридор, две лестницы и охранник у поворота. Ни разу я не оглянулась.

Утром Томас поставил на плацу серый резонансный шар размером с голову.

— Это не детектор, — сказал он, заметив наши лица. — Он не отличает правду от лжи. Он давит на внимание. Пока вы способны назвать свое имя, номер нашивки и день недели, давление считается допустимым.

— А если я не помню день недели без давления? — спросила Ника.

— Значит, начнешь с более простых вопросов.

Нас выстроили полукругом. Под действием шара мысли становились тяжелыми, будто каждую перед произнесением нужно было достать из воды. Когда очередь дошла до меня, Томас повернул кольцо на основании.

В голове зазвучал чужой вопрос без голоса: кто ты?

Я представила переплетный стежок. Игла вошла, нить прошла, узел лег на изнанке. Лира Кроу. Двадцать лет. Черная нашивка.

Шар усилил давление. Вопрос повторился, и под ним шевельнулся другой ответ — Аделина. Я вложила его в следующий стежок и затянула шов до боли в пальцах.

— Назови родной дом, — сказал Томас.

— Сажный Низ.

Это было правдой для обеих. Поэтому шар почти перестал мешать.

На галерее стоял Вейн. Он не вмешивался, но смотрел, как я удерживаю взгляд на Томасе. В горле родилась низкая нота: достаточно один раз позволить ей прозвучать, и давление рассыплется. Я проглотила ее вместе с кровью из прикушенной щеки.

Томас выключил шар.

— Хорошо.

— Она побледнела, — сказала Ника.

— Значит, работает не только прибор.

Когда мы уходили, я впервые подумала, что молчание тоже можно тренировать до мозолей. Мать научила меня прятать песню. Цитадель собиралась выяснить, сколько швов понадобится, чтобы сдержать ее под чужой волей.

Следующие две ночи я учила Цитадель по звукам.

Дневная смена архивистов уходила после шестого колокола. Их тележка со свежими квитанциями скрипела левым колесом. Стража у желтых дверей менялась дважды: в сумерках и в полночь. Ночной охранник кашлял перед поворотом, потому что курил в служебном тупике и прятал окурок в карман.

Ника нашла пустоту за стеной нашей казармы еще утром, но не сказала о ней, пока все не легли.

Она коснулась кладки под моей койкой.

— Здесь был ремонтный канал. Потом его заложили с двух сторон.

— Ты сказала, что канал шириной с две руки.

— С две мои. Ты пролезешь, если не будешь дышать слишком глубоко.

Я сняла наволочку с соловьем и переспрятала его под доской, которую Ника показала рядом. Для архива взяла только тонкую проволоку из зажима для бумаг, кусок воска и темный платок. Ножей у нас по-прежнему не было.

Ника вытащила кирпич. За ним открылся черный горизонтальный лаз.

— Он ведет к старой водосточной шахте. Оттуда к западной галерее. Но дальше стены я не вижу: слишком много рун. И пустота может кончиться кладкой.

— Ты остаешься здесь.

— С удовольствием. Если не вернешься до смены, я скажу, что ты провалилась в нужник.

— Правдоподобно.

— Я стараюсь.

Я втиснулась в канал плечами вперед. Камень царапнул ребра, дыхание сразу стало коротким. За спиной Ника вдвинула кирпич на место. Тьма лишила меня направления; остались только холод под ладонями и собственное сердцебиение, отражавшееся от стен.

Я ползла, считая движения. На сороковом канал пошел вниз. На шестидесятом запахло застоявшейся водой и плесенью. Впереди заскреблась крыса. Я остановилась, дала ей пройти по моему рукаву и не издала ни звука.

Водосточная шахта пахла ржавчиной. По стене шла узкая лестница из скоб. Я спустилась до первой решетки, через которую виднелась галерея.

Желтые двери архива были напротив.

Охранник стоял слева, скрестив руки. До полуночи оставалось мало. Я ждала, прижавшись щекой к холодной решетке. Когда на башне ударили, он кашлянул, оглянулся и пошел в служебный тупик.

Вторая смена опаздывала ровно на столько, сколько требовалось ему, чтобы скрыть нарушение.

Я вылезла из шахты.

Замок на желтых дверях был механическим, но под ручкой тянулась рунная нить. Проволока открыла бы язычок, не тревожа магии, если не коснуться серебряной полосы. Я обмотала конец воском, вставила в скважину и повернула.

Первая попытка согнула проволоку. Вторая ничего не изменила. На третьей за дверью послышались шаги.

Я замерла.

Шаги прошли мимо по перпендикулярному коридору. Чей-то смех, звон ключей, удаляющийся голос.

Замок поддался.

Внутри архив взрослых одаренных напоминал переплетную, если бы из нее вынули все живое. Стеллажи стояли ровными рядами от пола до потолка. Каждая полка имела металлический номер, каждая папка — нить с печатью. Под потолком горели синие огни, не дававшие тепла.

Я закрыла дверь, не защелкивая замок.

Списки перемещений находились в отдельном зале за каталогом. Ника видела ящики с красным кантом. Я нашла их по биркам: «Верхний контур», «Службы», «Материал», «Нижний контур».

Последний шкаф был заперт.

На этот раз замок имел две скважины. Одна принимала ключ, другая — кровь владельца допуска. Я провела пальцем по краю. Руна не отвечала на мою кровь, но отзывалась на тепло. Даже крошечная попытка пепла могла разбудить всю систему.

Я осмотрела нижний ящик. Дерево у основания рассохлось. Костяной пластиной для фальцовки удалось расшатать заднюю планку, после чего верхний ящик открылся вместе со всей рамой.

Ремесленные навыки оказались полезнее воровских.

Папки стояли по месяцам. Я нашла текущий, затем дату облавы. Пальцы оставляли на бумаге серые следы, и я вытирала их платком, прежде чем перевернуть страницу.

Сначала попались имена без лиц. Тар Вельд — переработка. Айя Морн — звуковой контроль. Две женщины из моего транспорта значились в служебных списках. Женщины из прачечной не было вовсе.

Я листала быстрее.

Вейл, Мирен.

Его имя стояло в третьей строке на последней странице. Не портрет, не красная строка из полевого реестра — обычные черные буквы, такие же, как у остальных. Шестнадцать лет. Слуховая настройка резонансных систем. Нижний контур.

Н-17.

Я прижала палец к этим знакам, будто они могли исчезнуть.

Больше ничего. Ни лаборатории, ни этажа, ни расписания. В графе места стоял только код. Рядом находилась вытравленная пометка, которую невозможно было прочитать при синем свете.

Я выдвинула соседний ящик каталога. Карточки с буквой «Н» шли подряд: Н-9, Н-12, Н-16, затем сразу Н-21. Нужной карточки не было. Я проверила нижний ряд и нашла еще четыре упоминания Н-17 в списках за прошлый месяц. Два человека предназначались для калибровки, одного перевели обратно наверх, напротив четвертого стоял черный квадрат.

Код мог означать цех, каземат, коридор или способ хранения. Архив охотно сообщал, для чего нужен человек, но не где его искать.

На отдельной полке лежали тонкие планшеты с планами. Я дотянулась до ближайшего, и весь ряд стеллажей пришел в движение. Полки на рельсах медленно поехали вместе, сжимая проход. Пришлось вытащить руку и отступить, пока плечо не оказалось зажато между железными краями. Планшет остался на месте. Механизм остановился с мягким щелчком, напечатав на крайней полке время вскрытия.

Даже мебель здесь вела протокол.

Я поднесла страницу ближе к лампе.

За спиной щелкнула дверная защелка.

Я закрыла папку и опустилась за шкаф. Синие огни не мигнули. Кто-то вошел без ключей, зная допуск.

Шаги были знакомыми. Не по звуку — по расстоянию между ними. Человек не торопился и не проверял ряды. Он шел к конкретному шкафу.

К моему.

Я перенесла реестр на нижнюю полку и отступила в тень между стеллажами. В тот миг, когда Кассиан Вейн появился в проходе, я успела убрать с полки платок, но не восковой след на полу.

Он остановился.

В руке у него была узкая папка без печати. Не моя. Он пришел за собственным делом и увидел раскрытый шкаф.

— Кроу, — сказал он.

Я не вышла.

Он повернул голову к темному проходу.

— Если тебя найдет ночной архивист, разговор будет короче. И больнее.

Я вышла из-за стеллажа с проволокой между пальцами.

— Вы следили за мной?

— Не льсти себе. Я читаю здесь по ночам, потому что днем приходится смотреть, как люди учатся убивать на мосту.

Его взгляд упал на реестр у моей ноги.

— Нижний контур, — сказал он.

Я молчала.

— Что ты искала?

— Имена.

— Чьи?

— Тех, кого вы записываете до того, как решить, живы ли они.

Он положил свою папку на стол. Подошел ближе, закрывая выход к двери.

— Ты проникла в закрытый архив, вскрыла хранилище и читала сведения Трибунала. За это тебя могут отправить вниз без испытания.

— Тогда вызывайте стражу.

— Не торопи меня.

Я кивнула на его папку без печати.

— А что ищете вы? Тоже имена?

— Мой допуск не обсуждается с кандидатами.

— Ваша папка лежит на столе. И похожа на ту, которую не хотят заносить в каталог.

Его пальцы едва заметно сжались на краю кожаного переплета. Я поняла, что попала близко к запретному, но не узнала ничего, кроме самого запрета.

— Осторожнее, — сказал он.

— Это угроза?

— Совет. Ты слишком часто смотришь на вещи, которые нельзя унести.

— А вы слишком часто отвечаете, не отвечая.

— Для человека, стоящего в закрытом архиве, ты очень требовательна к чужой откровенности.

Он был прав, и это раздражало сильнее его обвинений. Между нами лежали два набора тайн, но только мои могли привести меня вниз сегодня же ночью.

Я сделала шаг вбок, к узкому проходу между шкафом и стеной. Он повторил движение. Я бросилась в другую сторону, надеясь проскользнуть у стола.

Вейн перехватил меня за запястье.

Я ударила его свободной рукой в горло. Он блокировал предплечьем, развернул меня и прижал спиной к каменной стене. Проволока осталась у меня в пальцах. Я приставила ее к коже над его воротом.

Он замер.

— Острее, чем выглядит? — спросил он.

— Проверьте.

Его рука удерживала мое запястье между нами. Другой он не касался меня. Тело все же оставалось слишком близким: грудь к груди, его колено не давало мне сделать выпад. Я чувствовала холод его кожи через ткань и собственное сердце, бившееся слишком быстро.

— Ты могла позвать стражу, — сказала я.

— Ты могла уколоть меня, пока говоришь.

— Я еще выбираю место.

Его взгляд опустился к моим губам.

В архиве стало очень тихо. Где-то за стеной капала вода. Синий огонь отражался в его глазах тонкой линией, и я впервые увидела в них не командирскую оценку, а усталость человека, который тоже пришел сюда ночью за тем, чего не хотел оставлять на бумаге.

Он наклонил голову.

Я не отстранилась.

Мои пальцы все еще держали проволоку у его горла. Его ладонь ослабила захват, давая мне возможность вырваться. Я слышала его дыхание, чувствовала его тепло там, где холод наконец отступал.

До поцелуя оставалось меньше дюйма.

Он остановился.

Не потому, что за дверью прошел охранник. Не потому, что я отвернулась. Он сам задержался на границе движения, затем отпустил мое запястье и отступил на полный шаг.

— Нет, — сказал он тихо.

Я не спросила, к чему это относилось.

Он стоял достаточно далеко, чтобы я могла пройти, но я все еще прижималась лопатками к стене. Тело откликнулось на его близость с предательской готовностью: кожа стала чувствительнее, дыхание глубже. Мне хотелось обвинить в этом страх. Страх не задерживал взгляд на чужих губах и не помнил тепло ладони после того, как захват исчез.

Я выпрямилась сама. Вейн не сделал попытки удержать меня или повторить движение. Он только провел большим пальцем по красной полосе у ворота — там остался след от моей проволоки.

Между нами возникло новое знание, опаснее сведений из реестра. Я видела, как он остановился. Он видел, что я не отвернулась раньше. Ни одно из этих сведений нельзя было внести в рапорт, но оба теперь имели последствия.

Проволока дрожала в моей руке. Я опустила ее.

— Если я открою дверь сейчас, — сказал он уже обычным голосом, — ты попадешь в рапорт ночной смены. Вернешься тем же путем. У тебя есть семь минут.

— Вы отпускаете меня?

— Я не дал тебе разрешения входить. Не путай.

— И что вы запишете о вскрытом архиве?

Он посмотрел на поврежденную раму, затем на реестр.

— Пока ничего.

— Цена?

— Ты не будешь лгать, что это была прогулка.

— Я не настолько плохо лгу.

— Вот именно.

Он отошел к столу, освобождая дорогу. На его лице снова была маска старшего инквизитора, но руки он держал неподвижно, словно не доверял им лишнего жеста.

Я прошла мимо. У двери он спросил:

— Ты нашла то, что искала?

Я вспомнила черные буквы имени Мирена, код без карты, вытравленную пометку.

— Нет.

На этот раз ответ дался почти без усилия. Адреса брата у меня по-прежнему не было.

Я вернулась через водосточную шахту за пять минут. Ника сидела у стены с кирпичом на коленях. Когда я вылезла, она сразу закрыла лаз и ткнула пальцем мне в плечо.

— Ты пахнешь архивной пылью и чужим одеколоном. Плохая комбинация.

— Там нет одеколона.

— Значит, кто-то был хуже пыли.

Я села на койку и только теперь почувствовала боль в ребрах. Ладонь, которую Вейн держал, горела. Я растерла кожу, стирая ощущение.

— Н-17, — сказала я.

Ника перестала улыбаться.

— Код?

— Нижний контур. Больше ничего.

— На верхних схемах такого нет. Значит, нужна карта нижних лабораторий или человек, который там работает.

Я кивнула. Не сказала ей ни о реестре с вытравленной строкой, ни о Вейне, ни о поцелуе, которого не случилось. Первое касалось брата, второе было слишком опасным, третье — слишком непонятным.

Под доской лежал латунный соловей. Я нащупала его пальцами через щель.

Теперь у меня был код.

У Цитадели по-прежнему был мой брат.

ГЛАВА 5

Трещина в серебре

Три дня спустя гроза пришла со стороны разлома.

Сначала потемнели белые террасы Верхнего Арденгарда. Потом ветер сорвал с башен флаги и бросил их на крытые галереи. Когда отряд закончил вечернее занятие, дождь уже молотил по плацу так густо, что факелы у стен превратились в смутные оранжевые пятна.

Мы выходили с арены группой, мокрые и злые. Ника несла под мышкой размокший щит. Томас остановился у двери, сверяя список снаряжения. Гаррен спорил с оружейником о тренировочных минах. Со мной он за три дня ни разу не заговорил, но его взгляд я ловила постоянно.

Вейн стоял у дальнего барьера.

— Кроу. Останься.

Ника замедлила шаг.

— Защита от ментального давления закончилась час назад, — сказала я.

— Это не защита. Спарринг.

— В такую погоду арену обычно закрывают.

Он посмотрел на открытый верх арены, по которому хлестал дождь.

— Значит, у тебя будет преимущество: ты жалуешься раньше, чем я промокну.

Ника наклонилась ко мне.

— Если он убьет тебя, я найду в его кабинете очень большую пустоту.

— Не помогай слишком громко.

Она ушла с остальными. Томас задержался у Вейна, что-то сказал ему тихо. Командир кивнул, и заместитель вышел, закрыв за собой внутреннюю дверь. Наружная охрана осталась за стенами.

Мы остались одни на круглой площадке под грозой.

Вейн снял мокрый плащ и положил его на каменную скамью. Под ним оказался привычный черный камзол, но серебряный ворот он расстегнул. На поясе висел боевой меч. Для спарринга он взял с оружейной стойки тупой клинок.

— Ты три дня ждала другого вызова, — сказал он.

Это было похоже на утверждение о моих мыслях, и мне не понравилось.

— Я три дня работала.

— И проверяла смены у нижнего лифта.

Я остановилась на полпути к оружейной стойке. Действительно проверяла — дважды по дороге к столовой, один раз после занятия. Не подходила близко, не спрашивала. Он мог заметить только если искал.

— Вы все-таки следили.

— За лифтом следит мой отряд. Ты встала на месте, которое видно с нашей галереи.

— В следующий раз выберу стену без окон.

— В следующий раз тебя застрелят раньше, чем ты решишь, куда смотреть.

Он говорил без угрозы, просто указывал неправильный шаг на чертеже. Я подошла к оружию и провела пальцами по рукоятям.

— Если вы собирались арестовать меня за архив, могли сделать это тогда.

— Ты тоже могла не прийти сегодня.

— Вы сами только что приказали.

— Приказ остаться на спарринг. Не драться со мной любой ценой. Если боль в ребрах мешает, скажи. Если не хочешь боя, уйдешь к остальным.

Я посмотрела на закрытую дверь. За ней были Ника, горячая вода, относительная безопасность казармы. Здесь — человек, который видел мой провал в архиве и не внес его в рапорт. Уйти означало оставить ему все вопросы без единого моего ответа.

— Я остаюсь, — сказала я.

— Тогда правила: сдаешься словом или бросаешь оружие. Останавливаемся сразу. Никаких скрытых клинков. Дар разрешен до границы, за которой ты перестаешь его контролировать.

— А ваше пламя?

— Будет направлено на оружие и руны. Не на кожу.

Он ответил так точно, будто заранее записал условия для себя.

— Опять индивидуальная проверка? — спросила я.

— Обычная.

— В архиве вы тоже проводили обычную проверку?

Он не изменился в лице.

— Выбирай оружие.

Я взяла пару коротких палок. Ребра за три дня почти перестали болеть, но глубокий вдох все еще напоминал об Осте. Под курткой лежал темный корсет. Мать вшила в него серебро так давно, что нити казались частью кожи. Я проверяла их каждую ночь. Пока они оставались холодными и ровными.

На краю арены догорала жаровня. Дождь заливал угли, и над ней поднимался густой пар. Я прошла мимо, собрала ладонью тонкий слой сырого пепла и разогрела его изнутри. Вода испарилась. Серые зерна послушно легли на палки.

Вейн наблюдал.

— Ты используешь сгоревшее дерево, чтобы укрепить новое.

— Пеплу все равно, чем он был раньше.

— А тебе?

Молния прошла за его спиной. На миг вся арена стала белой, потом гром ударил в стены.

Я атаковала на этом ударе.

Правая палка пошла к его ребрам, левая — к запястью. Он отбил первую, ушел от второй и поставил ногу так, что я сама чуть не влетела в его клинок. Я остановилась, перекинула палку в другую руку и ударила снизу.

Он поймал меня за локоть, но не стал ломать захват. Развернул и толкнул к барьеру. Я уперлась ладонью в мокрое дерево, перебросила тело через него и оказалась за его спиной.

Палка легла ему на плечо.

Учебный удар. Чистый.

Вейн посмотрел на нее, затем на меня.

— Еще.

Мы сошлись снова. Он двигался экономно, не тратя шагов на красивые финты. Каждый удар заставлял меня выбирать: принять боль или открыть следующий участок. Я выбирала третье — меняла направление, использовала мокрый песок, пепел, шероховатость камня. Дважды мне удалось коснуться его плеча. Взамен он оставил на моем бедре тяжелый синяк и однажды приставил клинок к ребрам.

— Сдавайся, — сказал он.

— Вы любите это слово больше остальных.

— Оно сохраняет бойцов для следующего боя.

— Тогда произнесите его сами.

Он ударил сильнее.

Я едва успела скрестить палки. Одна треснула. Я бросила ее ему под ноги и отступила к жаровне. Пепел потянулся за мной низкой серой лентой, тяжелой от дождя. Я заставила его нагреться. Пар закрыл площадку между нами.

Вейн исчез в белой мгле.

Я слушала шаги. Дождь стирал их, но вода на камнях отзывалась на каждый перенос веса. Он приближался слева. Я ударила туда пепельной плетью.

Из пара вышел черно-синий огонь.

Он сжег форму, не тронув остальной пепел. Плеть рассыпалась мертвыми хлопьями. Вейн возник на расстоянии двух шагов, с клинком в одной руке и холодным пламенем на пальцах другой.

— Ты прячешь движения за дымом, — сказал он. — Противник с даром не станет смотреть глазами.

— Вы смотрели.

— Я слушал, как ты не дышишь.

Он бросил пламя не в меня, а в металлическую полосу на краю арены. Черный огонь побежал по ней вокруг меня, выжигая руны. Мои ноги оказались внутри кольца. Воздух стал ледяным.

— Что это?

— Ограничение площадки.

— Вы сказали спарринг, а не допрос.

— Перестань уклоняться от обоих.

Он шагнул в кольцо. Пламя не коснулось его сапог.

Я ударила оставшейся палкой. Он отбил клинком, и теневое пламя перешло на дерево. Пепел в трещинах вспыхнул золотом. Не черным, не синим — золотым, как перо на сапоге в ночь облавы.

Блокатор ответил резкой болью.

Я почти выронила оружие.

Вейн заметил.

— Стоп.

Но мне уже показалось, что он увидел слабое место и теперь нажмет на него. Я ударила снова, быстрее, собрала весь пепел из жаровни и обвила его клинок. Серая масса затвердела, удерживая оружие.

— Кроу, остановись.

Я потянула клинок в сторону и шагнула к нему вплотную, чтобы ударить в солнечное сплетение.

Вейн высвободил меч одним рывком. Пепельная оболочка лопнула. Он нанес удар плоскостью клинка мне между лопатками, когда я потеряла равновесие.

В тот же миг молния ударила в водосток на стене.

Белый свет прошел через руны арены. Черное пламя на металле взметнулось вверх, пепел вокруг нас стал золотым, а пластины у моего затылка треснули.

Звук был крошечный.

Щелчок, с каким ломается заводной ключ.

Я упала на одно колено.

Мир разделился на боль и свет. Серебряные нити в швах корсета натянулись так, будто кто-то пытался вытащить их через спину. Старое клеймо между лопатками вспыхнуло. Под кожей раскрылись крылья — еще не наружу, но достаточно, чтобы я почувствовала каждое перо, каждую кость, каждый участок плоти, который мать запечатала много лет назад.

Я ударилась лбом о его плечо. Вейн поймал меня за руки.

— Не двигайся.

— Отпустите.

Он отпустил правую руку, левую оставил, потому что я начала падать набок.

По подбородку потекла кровь. Я не сразу поняла, что разбила губу. Спина стала мокрой не от дождя.

Следующая молния осветила стену перед нами.

На камнях легла моя тень.

За плечами у нее раскрывались два огромных черных крыла. Не отражение в воде, не игра плаща. Длинные перья разлетались отдельно в свете, изломанные линии суставов поднимались выше головы. Одно крыло было прижато печатью, другое рвалось в сторону, и его тень накрыла половину стены.

Вейн увидел.

Его пальцы на моем запястье сжались, потом ослабли. Он повернул меня так, чтобы его собственное тело закрыло меня от наружной двери.

Свет погас.

Тень исчезла, но на мокрый песок упало черное перо. По его краям рассыпались золотые искры.

Я накрыла перо ладонью, сожгла его остатком тепла и собрала пепел. Это стоило мне последних сил. Серая пыль поползла по коже, смешиваясь с кровью.

Вейн не отвел взгляда от моих плеч.

— Что под корсетом? — спросил он.

— Кровь.

— Я видел не кровь.

— Тогда не спрашивайте, если уже решили.

За стеной послышался голос охранника:

— Командир? Нужна помощь?

Вейн ответил, не поворачивая головы:

— Нет. Никого не впускать.

Его слово остановило стражу. Меня оно не успокоило.

Я попыталась встать. Ноги подогнулись. Он подхватил меня под локоть и помог добраться до скамьи под навесом. Я позволила это только потому, что на песке осталась бы кровавая дорожка к двери.

Под навесом он снял со скамьи свой плащ и набросил мне на плечи. Ткань была мокрой снаружи, но внутри сохраняла тепло.

— Нужен лекарь, — сказал он.

— Нет.

— У тебя идет кровь.

— Лекарь снимет корсет.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— В боковой комнате есть вода и повязки.

— Вы умеете зашивать печати?

— Нет.

— Тогда принесите чистую иглу.

Вейн не стал спорить. Он вышел, а я добралась до боковой комнаты и села у стены. Он вернулся через минуту с металлической коробкой, полотенцем и кувшином. За это время я успела расстегнуть куртку, но корсет снять не могла: нити держали печать, а открытая спина оказалась бы доказательством для любого вошедшего.

Он закрыл дверь боковой комнаты и поставил лампу на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.